

Сохранить нельзя забыть?

Нужно ли нам беречь наследие мрачных времен?

Остатки лагерей и рудников сталинской эпохи на Колыме одновременно являются и памятниками тех трагических времен, и местами притяжения туристов. Однако вскоре мы можем их потерять. Если не предпримем действий по спасению истории.

Артефакты на вынос

Артур Федоров возглавляет туристическую компанию «Каюр-Трэвел». По его словам, один из популярных маршрутов для туристов - лагерь «Днепровский». Граждане Италии, США и других стран, а также наши соотечественники готовы проделать неблизкий путь, чтобы своими глазами увидеть сохранившиеся памятники истории сталинского СССР. Однако организаторы туров высказывают опасения, что со временем на «Днепровском» больше нечего будет показывать.

- Проблема в том, что с каждым годом лагерь «Днепровский» все больше разрушается, а многие туристы берут на память артефакты гулаговского периода. Если не принять мер, ничего интересного там вскоре не останется. Кроме того, сам объект никак не оборудован и не приспособлен для посещения туристами. По-хорошему, там на въезде должна быть схема лагеря с маршрутами, а на каждом здании или объекте - аншлаги, объясняющие посетителям, на что они смотрят, - считает Артур Федоров.

Автору этих строк совсем недавно удалось побывать на «Днепровском» и лично увидеть этот памятник мрачных времен колымской истории. Огромный оловянный рудник, который не осмотреть и за целый день, выглядит забытым и никому не нужным. Особенно грустно становится от посещения заброшенного кладбища заключенных, на могилах которых нет имен, а только номера, да и те, за редким исключением, стерлись. Дорогу от основной трассы на «Днепровский» никто не поддерживает, поэтому в нескольких местах грунтовка опасно осыпалась, и наш водитель вынужден был отчаянно маневрировать, рискуя сорвать машину в провал.

В списках не значатся...

Как недавно рассказывал «МП» директор московского Музея истории ГУЛАГа Роман Романов, одной из задач его деятельности остается придание остаткам сталинских лагерей статуса охраняемых государством

Кладбище заключенных.

объектов исторического наследия. Московским музейщикам уже удалось добиться такого статуса для одного из гулаговских рудников на Чукотке.

В Магаданской области присваивать историческим зданиям и памятникам статус объектов культурного наследия стали совсем недавно. При региональном правительстве даже создан специальный отдел, который этим занимается. Как пояснили «МП» в этом отделе, сейчас официально такой статус присвоен 18 объектам. Среди них сеймчанский аэровокзал, кинотеатр «Горняк», здание Магаданского политехникума, здание объединения «Северовостокзолото» и ряд других.

Единственный объект, который увековечивает память жертв политических репрессий, включенный в этот список, - монумент «Маска Скорби». Ни одного бывшего лагеря или другого объекта, сохранившегося со времен ГУЛАГа, в списке нет. Возможно, остатки лагерей - не самое лучшее, что стоит оставить грядущим поколениям, но, по крайней мере, статус объекта культурного наследия может сохранить их от разрушения.

Будет ли музей под открытым небом?

Как пояснил «МП» заместитель директора Магаданского областного краеведческого музея Антон Волчков, сотрудники этого учреждения уже не первый год думают над тем, как сохранить уцелевшие памятники времен «Севвостлага». Это касается

не только «Днепровского», но и остатков других лагерей.

Сейчас идет работа над так называемой дорожной картой по развитию историко-культурного комплекса «Музей памяти». Это совместный проект с московским Музеем истории ГУЛАГа. Идея проекта - создать музейный комплекс под открытым небом. Он должен объединить штрафной изолятор транзитной тюрьмы в г. Магадане, лагеря «Днепровский» в Хасынском и «Бутугычаг» в Тенькинском округах. Проект предусматривает реконструкцию зданий, дорог, разработку пеших туристических маршрутов и установку аншлагов и указателей на них.

Что касается конкретно лагеря «Днепровский», для него есть идея реконструировать сохранившиеся строения с созданием тематических интерьеров. Планируются создание и установка знаков навигации и информационных стендов на разных языках, а также обустройство парковки и кемпинга для туристов. Также есть идея создания мемориала рядом с кладбищем заключенных с безымянными могилами.

Осенью проект должен попасть к губернатору региона Сергею Носову на утверждение, после этого будет решаться вопрос в каком объеме и из каких источников его профинансируют. Только тогда можно будет говорить о конкретных мероприятиях и сроках. В любом случае региональное министерство культуры знает о проблеме сохранности памятников истории сталинской эпохи и ищет пути для их сохранения.

Денис САБЛИН.

■ ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

Как пишет магаданский историк Давид Райзман, рудник «Днепровский» организован 25 июля 1941 года на базе открытого геологом Кузнецовым месторождения касситерита - руды олова. О начальном периоде работы «Днепровского» пока мы знаем немного. Рудник был приравнен к так называемой третьей категории горнодобывающих предприятий, что указывает на малое число заключенных (формально эта категория предполагала численность заключенных от 500 до 1000 человек) и третьестепенное значение рудника в глазах руководства Дальстроя.

На руднике работали преимущественно заключенные «Севвостлага», среди инженерно-технического состава преобладали вольнонаемные. По итогам 1942 года «Днепровский» признан лучшим среди оловодобывающих предприятий Дальстроя. В 1942-м было начато строительство обогащательной фабрики № 8 мощностью 50 т/сутки, однако вплоть до 1944 года ее строительство не было закончено.

Проработав до 1944-го, рудник был законсервирован и закрыт в связи с малыми объемами добычи металла, снижением потребности страны в олове, активно поставлявшемся тогда по ленд-лизу, и ростом потребности в рабочей силе золотодобывающих предприятий Дальстроя. Заключенные, вольнонаемный персонал и оборудование рудника распределили по действующим предприятиям.

В 1949 году работы на «Днепровском» были возобновлены. Начальником рудника назначили Д. К. Каралефтеров, видный советский хозяйственный деятель, попавший на Колыму по приговору суда и сумевший после освобождения вновь выдвинуться как успешный производственный работник. При руднике было образовано лаготделение № 11 особого лагеря № 5 «Береговой» («Берлаг»), где содержались «особо опасные государственные преступники», использовавшиеся на «особо тяжелых работах». Использовался в основном ручной труд, механизированы были лишь некоторые производственные процессы. Ежегодно добывали 100 - 150 тыс. т касситерита - оловянной руды.

С 25 декабря 1954 года рудник «Днепровский» вновь законсервировали и закрыли в связи с ростом поставок дешевого олова из Китая, исчерпанием бозатейших залежей касситерита и сокращением контингента заключенных. В то же время был ликвидирован и «Берлаг».

Директор московского Музея истории ГУЛАГа Роман Романов на «Днепровском». Фото с сайта gmg.ru.

■ ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Сын белого генерала

Всеволод ПЕПЕЛЯЕВ, отбывавший срок на «Днепровском», оставил воспоминания в книге «Наказание без преступления».

Вот что он писал:

«...6 мая 1949 года нас привезли на прииск «Днепровский». Это огромная рабочая зона в долине между гор, 8х3 км. Речушка-ручей, в которой есть касситерит (руда олова), а в горах, в шахтах и штреках, в породе - пластами этот самый будущий металл. По периметру стоят вышки, а на возвышенности - еще зона, уже лагерная. Этот прииск почему-то был в конце войны законсервирован. Даже ходили слухи, что в горах в шахту загнали людей и вход взорвали. Теперь здесь все в движении - начало промывочного сезона. В лагере уже 1000 человек. Бригады по 40 - 50 зеков получают утром с развода лотки - такие же, как для промывки золота, и моют песок из речки, из старых отвалов. Ходят по всей зоне. Есть бригады и в шахтах,

где руду добывают, устраивая взрывы, и везут потом на фабрику. Тут только 58-я статья.

Ночи здесь почти нет. Солнце только зайдет и через несколько минут уже вылезет почти рядом, а комары и мошка - что-то ужасное. Пока пьешь чай или суп, в миску обязательно залетит несколько штук. Выдали накомарники - это мешки с сеткой спереди, натягиваемые на голову. Но они мало помогают.

Нас высадили около вахты - входа в лагерную зону. Пока принимает лагерное начальство, подходят заключенные, прибывшие раньше. Шутят: «Есть ли среди вас шофера?». Некоторые отвечают: «Есть». И слышат: «Ну, может быть, еще судимые ОСО - тогда им точно дадут две руки и колесо». Или: «Ребята, вам повезло, здесь у нас начальство

хорошее, вежливое - к вам здесь обращаются на «Вы»: «Вы, бл..., будете работать?!». Вот такой лагерный юмор.

В зоне все бараки старые, чуть-чуть отремонтированы, но уже есть санчасть, БУР. Бригада плотников строит новый большой барак, столовую и новые вышки вокруг зоны. На второй день меня уже вывели на работу. Нас, трех человек, бригадир поставил на шурф. Это яма, над ней ворот, как на колодцах. Двое работают на воротах, вытаскивают и разгружают бадью - большое ведро из толстого железа (она весит килограммов 60), третий внизу грузит то, что взорвали. До обеда я работал на воротах, и мы полностью зачистили дно шурфа. Пришли с обеда, а тут уже произвели взрыв - надо опять вытаскивать. Я сам вызвался грузить, сел на бадью, и меня ребята потихоньку спустили вниз метров на 6 - 8. Нагрузил камнями бадью, ребята

ее подняли, а мне вдруг стало плохо, голова закружилась, слабость, лопата падает из рук. И я сел в бадью и кое-как крикнул: «Давай!». К счастью, вовремя понял, что отравился газами, оставшимися после взрыва в грунте, под камнями. Отдохнув на чистом колымском воздухе, сказал себе: «Больше не поеду!». Начал думать, как в условиях Крайнего Севера при резко ограниченном питании и полном отсутствии свободы выжить и остаться человеком? Даже в это самое трудное для меня голодное время (уже прошло больше года постоянного недоедания) я был уверен, что выживу, только надо хорошо изучить обстановку, взвесить свои возможности, продумать действия...

Я начал работать слесарем. Это уже не шахта! Сооружение для механической промывки грунта строили около воды. Бульдозер толкает грунт в бункер,

по транспортной ленте он поднимается высоко и попадает в большой железный цилиндр (скруббер), где при вращении с водой промывается. Тяжелый песок направляется в лоток, а пустая порода - в отвал. Так же моют и золото.

Работали в две смены по 12 часов, без выходных. Обед приносили на работу. Обед - это 0,5 литра супа (воды с черной капустой), 200 граммов каши овсянки и 300 граммов хлеба. Моя работа - включи барабан, ленту и сиди смотри, чтобы все крутилось да по ленте шла порода, и все. Но, бывает, что-то ломается - может порваться лента, застрять камень в бункере, отказать насос или еще что. Тогда давай, давай! 10 дней днем, 10 - ночью. Днем, конечно же, легче. С ночной смены пока дойдешь в зону, пока позавтракаешь, и только уснешь - уже обед, ляжешь - проверка, а тут и ужин, и - на работу».